

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Асаад Хаиан, Головкин Р.Б. Направления развития правовых инструментов реализации «цифровой дипломатии» в Сирии 6

Баранцева Е.Л. Выявление факторов преемственности ценностей правовой культуры российского общества 9

Кутькова С.С. Дополнительная (субсидиарная) ответственность поручителей: какой характер ей был присущ – договорный или обязательственный? (сравнительно-правовой анализ норм и положений проектов Гражданского Уложения 1814 г. и 1882–1910 гг. и тома X Свода законов Российской Империи) ... 13

Смирнов В.А. Эволюция содержания категории правовой культуры личности 17

Тоготин В.В. Религиозная тайна: практика правоприменения, правовая защита 20

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Бердюгина Ю.М., Курьякова В.Ф. Влияние регулирования сохранения объектов культурного наследия на социально-экономическое развитие крупных городов 25

Бычик Ю.А. Значение ведомственного контроля в обеспечении законности правоприменительной деятельности таможенных органов 30

Губанова О.А., Ильина И.М., Османов Ш.А., Завьялов Д.Е. Социальная гарантия сотрудников ГПС МЧС России 34

Зубарев Д.С. Электронные доказательства как независимый элемент доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях 39

Исаков И.Н. Федеральное законодательство – основополагающий уровень отраслевого и комплексного правового регулирования в системе российского права 44

Кандрина Е.Г. О субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в правовой системе обеспечения интересов кредиторов и третьих лиц 51

Краснов А.В. Правовое регулирование профилактической деятельности органов внутренних дел в области противодействия семейно-бытовому насилию 56

Охлопков Г.Н. Совершенствование правового института главы муниципального образования 63

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калиниченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Андреевич**, д-р экон. наук, доц., Государственный университет по землеустройству; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); **Рузакова Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора:

Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 29.02.2024

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

<i>Парфенцев К.А.</i> Правовое регулирование реализации государственных программ: аспекты поддержки малого бизнеса.....	69
<i>Подколзина Т.И.</i> Роль и место землеустройства в создании единого информационного источника о земле и недвижимости: правовой аспект	75
<i>Потапова Л.В.</i> К вопросу о правотворческой деятельности прокуратуры Российской Федерации	80
<i>Рогожина А.С.</i> Определение ненормативных правовых актов как элемента правового пространства	83
<i>Сербиненко Е.Ю.</i> Правовое регулирование применения информационных технологий в государственном управлении: на примере таможенных органов	87
<i>Степанов И.Н.</i> Проблемы законодательного регулирования процесса самовыдвижения кандидатов в президенты Российской Федерации	91
<i>Чернякова С.А.</i> Актуальные проблемы правовой составляющей внедрения цифрового рубля	96
<i>Шинкарьук Д.В.</i> Конституционно-правовой статус детей, оставшихся без попечения родителей	101

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Абдуллина Л.Ф.</i> Развитие правового регулирования института предпринимательства в сельской местности	105
<i>Антонов А.Г.</i> Преюдициальное значение решений судов при пересмотре дел об административных правонарушениях в арбитражном процессе	110
<i>Баймухаметов Б.В.</i> Правоотношения по предупреждению причинения вреда: определение места в системе гражданских правоотношений	116
<i>Губайдуллина Э.Х., Барабощкина А.А.</i> Искусственный интеллект в судебной деятельности	121
<i>Ермакова Е.П., Пухарт А.А.</i> Внедрение цифровых технологий в гражданском судопроизводстве ЕС: на примере реализации положений Регламента и Директивы о цифровизации трансграничного судебного сотрудничества и доступа к правосудию.....	124
<i>Лончакова Ю.А.</i> Регулирование мультимодальной перевозки грузов в международном праве.....	131
<i>Находкин А.А.</i> Правовая природа договора на разработку программного обеспечения для ЭВМ: аспекты защиты интересов заказчика.....	136
<i>Первалов А.Г.</i> Соотношения действия общего трудового законодательства о порядке введения электронного документооборота со специальными нормами правового регулирования труда занятых на микропредприятиях	140
<i>Федорова Ю.А.</i> Соотношение понятий возмещений вреда за незаконные действия и компенсации ущерба за правомерные действия ОВД.....	145
<i>Чулков И.К.</i> Стандартизация, как одна из функций саморегулирования, на примере частной космической деятельности	151

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Агафонов А.В., Худоиёв Д.А.</i> Наркотики: проблемные вопросы определения понятия и основных признаков (согласно законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан).....	154
<i>Боев Д.В.</i> Декриминализация в правоприменении причинения вреда сотрудниками правоохранительных органов при выполнении должностных обязанностей	161
<i>Труш В.М., Гомонов Н.Д., Тимохов В.П.</i> Анализ характерологии делинквентного поведения: лингвокультурологический и концептологический подходы	167
<i>Емельянцева К.О.</i> Обстоятельства, подлежащие установлению по делам о хулиганстве.....	171
<i>Зацепин М.Н., Зацепин А.М., Камнева К.К.</i> Коррупция в Российской Федерации: криминологический анализ.....	177
<i>Варламова А.А., Зашляпин Л.А.</i> Допустимость показаний несовершеннолетнего свидетеля в уголовном судопроизводстве.....	184
<i>Крюков А.В.</i> Вопросы возмещения материального ущерба, причиненного при задержании.....	190
<i>Косарева Б.П.</i> О формировании допустимости косвенных доказательств в делах о налоговых преступлениях.....	193
<i>Крылова Н.А.</i> Проверка и оценка доказательств, как стадии процесса доказывания в досудебном уголовном судопроизводстве по уголовным делам, возбужденным по ст. 327 УК РФ	198
<i>Крюков А.В.</i> Критерии квалификации хулиганства на транспорте как уголовного преступления	204
<i>Левандовская М.Г.</i> Установление уголовной ответственности за организацию онлайн-проституции	208
<i>Милаева М.Ю.</i> Обоснование критериев отнесения состава преступлений к коррупционным	212
<i>Пикалов С.В.</i> Уголовно-правовая характеристика вменения квалифицирующего признака «использование служебного положения»	217
<i>Сенцов А.С., Волколупова В.В.</i> К вопросу об уголовно-правовой оценке причинной связи как признака объективной стороны в составах неосторожных ятрогенных преступлений.....	223
<i>Милаева М.Ю.</i> Уголовно-правовая характеристика государственной измены: сопоставление институтов привлечения к уголовной ответственности в России и зарубежных странах	229
<i>Трусова Е.А.</i> Принудительные меры медицинского характера в системе уголовного права России	233
<i>Щеглов М.И.</i> Правовой статус взаимодействия с гражданами посредством электронных каналов связи в уголовном судопроизводстве	238

К вопросу об уголовно-правовой оценке причинной связи как признака объективной стороны в составах неосторожных ятрогенных преступлений

Сенцов Александр Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: sentsov_1951@mail.ru

Волколупова Владислава Владимировна,

магистрант Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: volkolupova.v@yandex.ru

В работе рассматриваются сложные вопросы, относящиеся к уголовно-правовой оценке причинной связи в процессе расследования неосторожных ятрогенных преступлений, возникающие у правоприменителей при их квалификации. В частности, по результатам проведенного исследования в статье обосновывается и дополнительно аргументируется вывод о том, что установление причинной связи как обязательного признака объективной стороны в составах ятрогенных преступлений является прерогативой суда, а не судебно-медицинского эксперта, но свое решение о наличии (или отсутствии) причинной связи суд должен принимать на основании комплексного заключения судебно-медицинской экспертизы, в котором выводы эксперта должны быть сформулированы однозначно и в них не должно содержаться двусмысленных формулировок типа «смертельного исхода можно было бы избежать» или «при своевременном лечении благоприятный исход был возможен» и т.п. При таких «вероятностных» выводах правоприменителю логично руководствоваться конституционным принципом, согласно которому «все неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого» (ст. 49 Конституции РФ), и прекращать уголовное дело за отсутствием состава преступления.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, причинная связь, объективная сторона, общественно опасное деяние, общественно опасные последствия, уголовная ответственность.

В уголовно-правовой науке и правоприменительной практике проблемы, относящиеся к определению понятия причинной связи в рамках учения об объективной стороне преступления, до настоящего времени являются одними из самых спорных и дискуссионных. В уголовно-правовой доктрине поиски ответов на ключевой вопрос: при каких обстоятельствах совершенное лицом деяние должно признаваться именно причиной наступивших общественно опасных последствий (т.е. вредных изменений в объекте преступления) ведутся на протяжении нескольких столетий.

Как отмечал В.Б. Малинин в современной доктрине уголовного права представлено около 10 различных теорий причинной связи, которые предлагается признавать методологической основой для решения спорных вопросов, возникающих в этой сфере [1, с. 8].

Можно отметить, что в настоящее время в науке уголовного права развитие учения о причинной связи носит в большей степени экстенсивный, а не интенсивный характер, в том смысле, что позиции криминалистов в этой области знаний скорее расходятся, чем сближаются [2, с. 46].

Не прибегая к подробному анализу всех представленных в уголовно-правовой науке концепций причинной связи как признака объективной стороны преступления (в том числе и ятрогенного преступления), отметим среди них такие, которые получили наибольшее распространение в настоящее время:

- теория необходимого условия (*conditio sine qua non*) или как ее называют некоторые авторы, теория эквивалентности (согласно этой теории все объективные обстоятельства, без которых конкретные общественно опасные последствия не могли бы наступить, являются равнозначными (эквивалентными), и следовательно, признаются в качестве их причины;
- теория адекватной причинности, согласно которой в качестве причины признается только такое деяние, которое в данных условиях, как правило, типично (обычно) порождает наступившее общественно опасное последствие;
- теория «непосредственной» («ближайшей») причины, признающей в качестве причины лишь такое деяние, которое непосредственно предшествовало наступившему результату (было «ближайшим» к преступным последствиям в «прошедшем» времени);
- теория «реальной возможности», в основе которой используются парные философские категории «возможность» и «действительность»;

– теория деления причинной связи на «необходимую» и «случайную», сторонники которой полагают, что уголовно-правовое значение имеет только необходимая причинная связь, то есть только такая объективно существующая зависимость между совершенным деянием и наступившими последствиями, при которой именно данное деяние закономерно (а в конкретных условиях – неизбежно) породило данные последствия.

В современной правоприменительной практике наиболее распространенной является позиция, согласно которой уголовно-правовое значение придается как непосредственной (ее нередко называют в процессуальных документах «прямая причинная связь»), так и опосредованной причинной связи (т.е. когда такая связь носит опосредованный характер, особенно, при преступном бездействии) [3, с. 348].

При производстве предварительного расследования по делам о неосторожных преступлениях, совершенных медицинскими работниками и сопряженных с дефектами оказания медицинской помощи пациентам (так называемых ятрогенных преступлениях) в качестве причины наступления смерти или вреда здоровью потерпевшего чаще всего признаются такие негативные факторы, как: ошибочная или несвоевременная (запоздавшая) диагностика основного заболевания пациента; неправильно назначенное или запоздалое лечение; несвоевременное прибытие (или вообще неприбытие) бригады скорой медицинской помощи по вызову больного; оставление больного без наблюдения; отказ в госпитализации при наличии объективных к тому оснований; недооценка тяжести состояния пациента, и как следствие, несвоевременное оказание ему экстренной медицинской помощи; грубые врачебные ошибки, допускаемые по небрежности (например, оставление инородного тела в брюшной полости при хирургической операции) и т.п.

Такие ятрогении характеризуются тем, что смерть пациента или ухудшение состояния его здоровья (вред здоровью) обусловлены, как правило, неблагоприятным развитием основного заболевания, имевшегося у пациента, обратившегося за медицинской помощью, а бездействие или допущенные врачами ошибки создали лишь благоприятные условия для такого развития данного заболевания.

Установление причинной связи по таким делам вызывает особые сложности в тех случаях, когда имеет место так называемая «каскадная ятрогения», то есть медицинские работники допускают сразу несколько последовательно проявляющихся врачебных ошибок. Например, вначале допускается ошибка в диагностике заболевания, влекущая бездействие врача на раннем этапе оказания пациенту медицинской помощи, затем «дефект» в оказании медпомощи проявляется в форме действия (например, фельдшер допускает при выполнении процедуры с использованием клизмы перфорацию прямой кишки, которая не была своевременно вы-

явлена лечащим врачом при проведении последующего лечения имевшегося у пациента язвы желудка, что и привело в последующем к его смерти). Либо на разных этапах оказания медицинской помощи пациенту допускаются несколько «дефектов» медпомощи и врачебных ошибок со стороны разных медицинских работников и в разных лечебных учреждениях [4, с. 96].

Изложенное свидетельствует о том, что в настоящее время как в доктрине уголовного права, так и в правоприменительной практике до конца неразрешенными остаются многие вопросы, относящиеся к установлению причинной связи, в том числе и при расследовании ятрогенных преступлений. В таких случаях возникают особые сложности и при их квалификации, поскольку практически все ятрогенные преступления сконструированы по типу материальных составов и причинная связь включена в объективную сторону в качестве обязательного признака (ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ст. 124, ст. 124.1, ч. 2 ст. 128, п. «в» ч. 2 и ч. 3 ст. 238 УК РФ, а в некоторых случаях и ч. 2 и 3 ст. 293 УК РФ).

Существенных затруднений в определении причинной связи, как правило, не возникает, если общественно опасное деяние было выражено в форме действия (например, инфицирование по небрежности организма больного, возникшее в ходе операции; ошибочное удаление здорового органа; подбор и установка ненадлежащего имплантата; повреждение какого-либо жизненно важного органа или сосуда по небрежности, допущенной в процессе медицинского вмешательства, и т.п.). В этих случаях смерть (или вред здоровью) обусловлены, в первую очередь, неблагоприятным развитием сопутствующего заболевания, возникшего у пациента вследствие дефектов медпомощи или врачебных ошибок и являющегося самостоятельным и не находящимся в необходимой причинной связи с ранее имевшимся у него основным заболеванием. Однако подобного рода случаи ятрогении, как показывают статистические данные, характеризующие правоприменительную практику, составляют не более 20% [5, с. 5].

Сложности, связанные с квалификацией содеянного, чаще всего возникают при определении наличия причинной связи в тех случаях, когда дефект медпомощи выразился в «чистом» или «смешанном» бездействии (при сочетании бездействия и действия) медицинского работника, и такие деяния, влекущие ятрогению, составляют около 80% [5, с. 6] и, соответственно, именно эти преступные посягательства и получили криминалистическое определение «ятрогенные преступления» [6, с. 88].

Можно отметить, что многие авторы справедливо полагают, что «проблема причинности при бездействии является, пожалуй, самой сложной и спорной проблемой уголовного права» [7, с. 44; 1, с. 32].

Правоприменительная практика по делам о ятрогенных преступлениях тоже свидетельствует о том, что установление причинной связи при производстве предварительного расследования

и в суде нередко порождает значительные сложности, обусловленные, во-первых, тем, что в большинстве случаев, хотя и имело место неоказание или ненадлежащее оказание медицинской помощи, либо при ее оказании допускались грубые врачебные ошибки, но, в конечном счете, вред здоровью пациента или его смерть причиняются не непосредственно деяниями медицинского работника, а наступают вследствие неблагоприятного развития имеющегося у потерпевшего основного заболевания либо его иного болезненного состояния (травмы и др.), которые не были предотвращены своевременным и качественным оказанием медицинской помощи. Во-вторых, в установлении причинной связи по таким делам решающее и даже определяющее значение имеет заключение судебно-медицинской экспертизы, в котором судебно-медицинский эксперт формулирует свой профессиональный вывод о наличии или отсутствии так называемой «прямой причинной связи» между деяниями медицинских работников и наступившими последствиями. В-третьих, в итоговом процессуальном документе – приговоре необходимо свое собственное обоснование (мотивировка) судом вывода о признании наличия (или отсутствия) причинной связи, являющейся обязательным признаком объективной стороны любого ятрогенного преступления. А поскольку нормативное определение этого признака в законе отсутствует, и его нет даже в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, то на практике суд вынужден ссылаться в приговоре на те формулировки, которые использованы в выводах, содержащихся в заключении судебно-медицинского эксперта. Но эксперты никогда не были связаны какими-либо нормативно закрепленными терминами и не обязаны использовать в своих выводах строго определенные «стандартные» формулировки относительно ответа на вопрос о том, имеется (или отсутствует) причинная связь между деяниями врачей и последствиями в виде смерти (или вреда здоровью) пациента. К тому же приверженность специалиста (эксперта) к той или иной теории причинной связи из числа названных выше, иногда порождает на практике противоположные суждения, содержащиеся в двух разных заключениях судебно-медицинской экспертизы (первичной и повторной или комиссионной). Поэтому при установлении причинной связи по делам о ятрогенных преступлениях нередко имеет место явное противоречие между устоявшимися в уголовно-правовой науке теоретическими положениями и позицией правоприменителя, отраженной в принятом им судебном решении (приговоре), обусловленное, в том числе и некорректными формулировками выводов, содержащихся в экспертном заключении, и отсутствием в описательно-мотивировочной части приговора обоснования своих собственных выводов о наличии (или отсутствии) причинной связи между «ятрогенными дефектами» (т.е. деяниями медиков) и наступившими последствиями (вредом здоровью или смертью пациента).

Так, чаще всего в приговорах судов по делам о ятрогенных преступлениях встречается однотипная и «стандартная» формулировка примерно следующего содержания: «при надлежащем оказании медицинской помощи (например, проведении хирургической операции) наступивших последствий (тяжкого вреда здоровью, смерти) можно было бы избежать». Такие формулировки, как полагает С.Ю. Мелихов, во всех изученных этим автором уголовных делах о ятрогенных преступлениях, дословно заимствованы из заключений судебно-медицинской экспертизы [8, с. 193].

Представляется, что при такой «размытой» формулировке в выводе эксперта заложена двусмысленность: а) вероятность ненаступления вредных последствий в случае надлежащего оказания МП; б) вероятность их наступления даже в том случае, если бы надлежащая медицинская помощь была бы оказана (ведь термин «можно было бы избежать» допускает, по крайней мере, не исключает оба суждения). Следовательно, при таком выводе о наличии причинной связи (или же ее отсутствии) вопрос об ответственности врача, не оказавшего надлежащей медицинской помощи умирающему пациенту, вряд ли может быть решен однозначно.

Так, например, в одном из приговоров содержатся следующие формулировки: «При осмотре дежурным врачом на момент госпитализации у Ф. отсутствовали достоверные признаки раздражения брюшины (перитонеальные явления), патология органов брюшной полости не выявлена при рентгенографии и ультразвуковой исследовании, что объясняется ранним периодом травмы, в котором перитонеальная картина не проявилась. Диагноз «Закрытая тупая травма живота. Субкапсулярный разрыв селезенки. Разрыв полого органа» был выставлен ... через 27 часов 30 минут после нахождения больного в хирургическом отделении больницы, что дает основания утверждать о несвоевременной (поздней) диагностике распространенного перитонита. Операция – чревосечение, выполнена ... через 32 часа 50 минут с момента госпитализации Ф. и через 37 часов после причинения разрыва тонкой кишки. Поздняя диагностика разрыва тонкой кишки обусловлена не проведением больному Ф. лапароцентеза с методом «шарящего катетера» и оставлением больного Ф. без наблюдения медицинского персонала ... практически в течение 15 часов и свидетельствует о неисполнении врачами хирургического отделения своих должностных обязанностей, что подтверждается отсутствием записей в карте стационарного больного за этот период. Смерть Ф. наступила в результате закрытой тупой травмы живота, сопровождавшейся разрывом тонкой кишки и осложнившейся развитием распространенного фибринозно – гнойного перитонита, приведшего к абдоминальному сепсису и полиорганной недостаточности, явившихся **основной и непосредственной причиной смерти** (выделено нами – А.С., В.В.). Согласно п. 6.1.16 «Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» Прило-

жение к Приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н, тупая травма живота с разрывом тонкой кишки причинила тяжкий вред здоровью ФИО6 опасный для жизни человека.

Члены комиссии не исключают, что **смертельного исхода можно было бы избежать** (выделено нами – А.С., В.В.) если бы Ф. было проведено оперативное вмешательство в более ранний период..., когда ему был установлен диагноз «перитонит». Смерть Ф. связана с характером и тяжестью травмы и несвоевременным диагностированием осложнения травмы – перитонита, обусловившего развитие абдоминального сепсиса, полиорганной недостаточности, явившихся непосредственной причиной смерти» [9]. Представляется, что такие выводы, содержащиеся в заключении судебно-медицинской экспертизы и механически воспроизведенные в приговоре суда, должны толковаться, исходя из принципа *In dubio pro geo* (все неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого), что предусмотрено и в ст. 49 Конституции РФ.

Решая вопрос о наличии (или отсутствии) причинной связи при производстве судебно-медицинской экспертизы по уголовному делу, возбужденному по признакам ятрогенного преступления, эксперт должен обосновывать свои выводы, руководствуясь методическими рекомендациями, утвержденными ФБГУ «РЦСМЭ» [10]. В частности, согласно этим рекомендациям вопрос о причинной связи должен разрешаться «в соответствии с общепринятыми в медицине представлениями об этиологии, патогенезе, клинической картине и лечении в отношении конкретной нозологической единицы заболевания, травмы, состояния у данного конкретного пациента» [10].

К числу дискуссионных как среди правоприменителей (следователей и судей), так и судебно-медицинских экспертов относится и вопрос о том, кто должен устанавливать причинную связь как обязательный признак объективной стороны в составе ятрогенного преступления.

Последнее Указание Председателя Следственного комитета РФ от 17 мая 2019 г. № 4/201 «О дополнительных мерах по усилению контроля за назначением судебных экспертиз по уголовным делам о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи (медицинской услуги)» обязывает следователя в постановлении о назначении судебно-медицинской экспертизы ставить на разрешение эксперта такие основные вопросы, как: «1) какова причина смерти; 2) причинен ли вред здоровью пациента, если да, то каковы его характер и степень вреда; 3) имеются ли дефекты (недостатки) оказания медицинской помощи и какие конкретно и кем допущены; – имеется ли прямая причинно-следственная связь между выявленным(и) дефектом(ами) и наступлением смерти / причинением вреда здоровью пациента» [11].

На возможность предварительного установления наличия причинной связи судебно-

медицинским экспертом неоднократно указывал и Верховный суд Российской Федерации. Так, в определении № 57-КГ18–23 от 14 января 2019 г., указано, что «при этом прямая причинная связь может быть установлена на основании заключения судебно-медицинской экспертизы, принятого в соответствии с требованиями норм материального права, регулирующих порядок проведения судебно-медицинской экспертизы, и с требованиями, предъявляемыми к экспертам, проводящим такую экспертизу» [12].

Иными словами, Верховный суд РФ, хотя и относит решение вопроса об установлении причинной связи (о ее наличии или отсутствии) к компетенции суда, тем не менее, указывает, что суд принимает свое решение на основании заключения судебно-медицинской экспертизы.

Таким образом, в реальной правоприменительной практике фактически решение данного вопроса находится в прямой зависимости от заключения судебно-медицинской экспертизы, поскольку субъекты уголовно-процессуальной деятельности основывают свои выводы, механически заимствуя выводы эксперта, содержащиеся в его заключении. Руководствуясь общепринятыми в медицине представлениями о взаимосвязи между выявленной клинической картиной заболевания и его лечением, судмедэксперт нередко вполне логично формулирует в заключении вывод о том, что непосредственной причиной смерти или ухудшения состояния здоровья пациента явились не допущенные врачебные ошибки и иные дефекты оказанной медпомощи, а предшествующая им патология (то есть неблагоприятное развитие основного заболевания пациента). А в совокупности с выводом о невозможности однозначно утверждать о безусловно благоприятном исходе заболевания в случае недопущения дефекта оказанной пациенту медпомощи судмедэксперт в своем заключении нередко дает отрицательный ответ и на сформулированный в постановлении о назначении судебно-медицинской экспертизы вопрос: «имеется ли прямая причинно-следственная связь между выявленным(и) дефектом(ами) медпомощи и наступлением смерти (причинением вреда здоровью) пациента?» [4, с. 97].

На наш взгляд, более логичной является иная позиция, согласно которой «в действительности причинная связь является самостоятельным юридическим признаком объективной стороны состава преступления» [4, с. 98]. В этом смысле причинная связь представляет собой такую объективную юридически значимую зависимость между виновно совершенным общественно опасным деянием и наступившими общественно опасными последствиями, в силу которой именно данное деяние закономерно (а в конкретных условиях неизбежно) породило именно данные последствия.

Подводя итоги проведенного исследования темы можно сформулировать следующие основные выводы:

- по делам о ятрогенных преступлениях решение вопроса о причинной связи (о ее наличии или отсутствии) в конечном счете относится к компетенции суда, но свое решение суд должен принимать на основании компетентного заключения судебно-медицинской экспертизы, поскольку судьи, как правило, не имеют углубленных специальных познаний в области судебной медицины, а также достаточных знаний в области логики для того, чтобы решать этот вопрос самостоятельно;
- устанавливая причинную связь по делам о ятрогенных преступлениях в правоприменительной практике логично придавать уголовно-правовое значение только необходимой причинной связи, а все иные, так называемые «корреляционные» связи оставить для дискуссий в научных публикациях и выступлениях (хотя широко используемый в правоприменительной практике термин «прямая причинная связь», на наш взгляд, представляется не вполне корректным и более точным является слово «необходимая»);
- представляется, что необходимая, но опосредованная причинная связь возможна как между действиями медработников, так и их бездействием (то есть в случаях неоказания несвоевременного или ненадлежащего оказания медицинской помощи) и наступлением смерти (либо причинением вреда здоровью) пациента.

Вывод о наличии или отсутствии причинной связи по делам о ятрогенных преступлениях должен основываться на таких доказательствах, которые бы включали совокупность необходимых и достаточных фактических сведений, содержащихся в материалах уголовного дела. И, как справедливо отмечает В.Д. Пристанков, объем такой информации может быть собран только на основе «поэлементно-факторного анализа всех обстоятельств события ятрогенного преступления» [6, с. 99].

Литература

1. Малинин В.Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2000. – 315 с.
2. Лобанова Л. В., Ларионова Л.Н. Альтернативность причинной связи как признака состава преступления // Logos et Praxis. 2016. № 3 (33). С. 46–55.
3. Щепельков В.Ф., Векленко В.В., Пряхина Н.И. Риск-ориентированный подход при установлении причинной связи по делам о халатности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. № 4. 2018. С. 348–353.
4. Шарапов Р.Д. Оценка причинной связи по уголовным делам о ятрогенных преступлениях // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник статей по матер. X Междунар. науч.-практич. конф. СПб., 2023. С. 94–100.
5. Шмаров Л.А. Проблемы причинности в судебно-медицинских экспертизах по «врачебным делам» // Судебно-медицинская экспертиза. 2021. Т. 64. № 1. С. 5–11.
6. Пристанков В.Д. Методологические проблемы установления причинно-следственной связи при расследовании неосторожных преступлений, совершаемых медицинскими работниками // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2015. № 3. С. 87–99.
7. Бородин С. В., Малинин В.Б. Убийство: общая характеристика: монография. СПб.: МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2013. 194 с.
8. Мелихов С.Ю. Проблемы описания причинной связи в ятрогенных преступлениях в судебной практике по уголовным делам // Медицинское право: теория и практика. 2016. Т. 2, № 2(4). С. 190–195.
9. Приговор № 1–296/2014 от 11 сентября 2014 г. по делу № 1–296/2014 Георгиевского городского суда Ставропольского края. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cY1jua3b8tUw/> (дата обращения 12.02.2024).
10. Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи. Методические рекомендации. М.: ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России, 2017. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
11. О дополнительных мерах по усилению контроля за назначением судебных экспертиз по уголовным делам о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи (медицинской услуги): Указание Следственного комитета Российской Федерации от 17 мая 2019 г. № 4/201. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Определение Верховного Суда РФ от 14 января 2019 г. № 57-КГ18–23. URL: <https://legallacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-14012019-n-57-kg18-23/> (дата обращения 13.01.2024).

ON THE ISSUE OF CRIMINAL LAW ASSESSMENT OF CAUSATION AS A SIGN OF AN OBJECTIVE SIDE IN THE COMPOSITION OF RECKLESS IATROGENIC CRIMES

Sentsov A.S., Volkolupova V.V.

Volgograd institute of management – branch of the Russian Presidential academy of the national economy and public administration, St. Petersburg State University

The paper deals with complex issues related to the criminal law assessment of causation in the investigation of careless iatrogenic crimes that arise from law enforcement officers during their qualification. In particular, according to the results of the conducted research, the article substantiates and additionally argues the conclusion that the establishment of a causal relationship as a mandatory feature of an objective party in iatrogenic crimes is the prerogative of the court, not a forensic medical expert, but the court should make its decision on the presence (or absence) of a causal relationship on the basis of a comprehensive conclusion of a judicial- medical examination, in which the expert's conclusions should be formulated unambiguously and they should not contain ambiguous formulations

such as “a fatal outcome could have been avoided” or “with timely treatment, a favorable outcome was possible”, etc. With such “probabilistic” conclusions, it is logical for the law enforcement officer to be guided by the constitutional principle according to which “all irre-medi-able doubts are interpreted in favor of the accused” (Article 49 of the Constitution of the Russian Federation), and to terminate the criminal case for lack of *corpus delicti*.

Keywords: iatrogenic crimes, causation, objective side, socially dangerous act, socially dangerous consequences, criminal liability.

References

1. Malinin V.B. Causal relationship in criminal law. St. Petersburg: Legal Center Press, 2000. – 315 p.
2. Lobanova L. V., Larionova L.N. Alternativeness of causation as a sign of a crime // *Logos et Praxis*. 2016. No. 3 (33). pp. 46–55.
3. Shchepelkov V.F., Veklenko V.V., Pryakhina N.I. Risk-oriented approach in establishing causation in cases of negligence // *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 4. 2018. pp. 348–353.
4. Sharapov R.D. Assessment of the causal relationship in criminal cases of iatrogenic crimes // *Criminal policy and law enforcement practice: a collection of articles on mater. X International Scientific and Practical Conference St. Petersburg, 2023*. pp. 94–100.
5. Shmarov L.A. Problems of causality in forensic medical examinations in “medical cases” // *Forensic medical examination*. 2021. Vol. 64. No. 1. pp. 5–11.
6. Pristanskov V.D. Methodological problems of establishing a causal relationship in the investigation of careless crimes committed by medical workers // *Bulletin of the St. Petersburg University. Right*. 2015. No. 3. pp. 87–99.
7. Borodin S. V., Malinin V.B. Murder: general characteristics: monograph. St. Petersburg: MIEP at the IPA EurAsEC, 2013. 194 p
8. Melikhov S. Yu. Problems of describing the causal relationship in iatrogenic crimes in judicial practice in criminal cases // *Medical law: theory and practice*. 2016. Vol. 2, No. 2(4). pp. 190–195.
9. Verdict No. 1–296/2014 of September 11, 2014 in case No. 1–296/2014 of the Georgievsky City Court of the Stavropol Territory. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cY1jua3b8tUw/> (date of application 12.02.2024).
10. The procedure for conducting a forensic medical examination and establishing cause-and-effect relationships upon failure to provide or improper medical care. Methodological recommendations. M.: Federal State Budgetary Institution “RCSE” of the Ministry of Health of the Russian Federation, 2017. Access from the help.- the legal system “ConsultantPlus”.
11. On additional measures to strengthen control over the appointment of forensic examinations in criminal cases of crimes related to improper provision of medical care (medical services): Instruction of the Investigative Committee of the Russian Federation dated May 17, 2019 No. 4/201. Access from the certificate.- the legal system “ConsultantPlus”.
12. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 14, 2019 No. 57-KG18–23. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-14012019-n-57-kg18-23/> (accessed 13.01.2024).